

В тепле твоих пещер я ночевал, Кавказ,
На гладкий камень голову склоняя;
За трубкой у костра я слушал горский сказ,
И ночь, как буркой, кутала меня.
По горным пастбищам, среди орлиных скал,
Я кочевал, на посох опершись,
На бешеном коне над пропастью скакал,
Крутой тропой карабкался, как рысь.
И если скажут мне:
«Живи, Кайсын, без гор,
Тебе построят золотой дворец»,—
Я рассмеюсь в душе:
«К чему мне царский двор?
Что золото погонщику овец?»
Нет, лучше нищим быть в моих родных горах,
Чем на чужбине золото носить.
Скитаться по тропам, взметать дорожный прах,
В пещерах спать — вот так хочу я жить!
Поэту ни к чему набитая мошна —
Слагай стихи да слушай эхо гор!
Орлу не красота, а смелость, ширь нужна,
А горцу — не богатство, а простор.
Кинжалу не убор, а острота нужна,
А мне, поэту,— острый слух да глаз,
Шум крыльев, и стремнин, и ширь, и крутизна,
И даль снегов, и воздух твой, Кавказ!
Мне бедность не страшна, свобода мне сестра.
Я буду днем слагать в горах стихи,
А ночью под скалой, у братского костра,
Меня сойдутся слушать пастухи.
Стиху — не золото, не праздничный убор,
Не комнатная сытость и покой,
Стиху — простор степей, и воздух вольных гор,
И даль дорог, и небо над рекой.

1942